
«— Ой, как нехорошо, — отозвался Бильбо. — Разве это не тема для сумасшедших?

— Почему? Сумасшедшими я как раз и занимаюсь. Они герои большинства документов. Вы что, соприкасались с этой темой?

— Я служу в издательстве, а в издательствах одна половина посетителей нормальные, другая — сумасшедшие. Задача редактора — классифицировать с первого взгляда. Кто начинает с тамплиеров, как правило, — псих.

— Можете не продолжать. Их имя легион. Однако не все безумцы начинают с тамплиеров. Как вам удастся опознавать прочих?

— Есть технология. Могу вас научить как младшего товарища. Кстати говоря, как вас зовут?

— Казобон.

— А это не герой «Миддлмарч»?

— Не знаю. В любом случае был такой филолог в эпоху Возрождения. Но он мне не родственник.

— Ладно, замнем. Выпьем еще чего-нибудь?
Еще две порции, Пилад.

— Спасибо. Итак. Люди делятся на кретинов, имбецилов, дураков и сумасшедших.

— Кто-нибудь остается?

— Я-то уж точно. Хотя и вас обижать не хочется. Если сформулировать точнее, любой человек подпадает под все категории по очереди. Каждый из нас периодически бывает кретином, имбецилом, дураком и психом. Исходя из этого, нормальный человек совмещает в разумной пропорции все эти компоненты, иначе говоря, идеальные типы».

*Умберто Эко.
«Маятник Фуко»*

Глава 1

Когда он умудрялся найти немного свободного времени... когда Эдгар Вейдеманис был занят и не мог с ним пойти... когда он оставался один в Москве или в Баку... когда ему хотелось куда-нибудь выйти... когда он просто бывал в настроении... он отправлялся в ресторан, чтобы занять столик в углу и пообедать в полном одиночестве, читая газету или журнал, которые он предусмотрительно захватывал с собой.

Так было и на этот раз. Он выбрал привычный столик в углу, чтобы усесться спиной к стене и видеть всех входящих в зал. И сделал заказ официанту, попросив сомелье выбрать для него красное итальянское вино — «Баролло», из урожая девяносто седьмого года. Он не был обжорой, привычные физические нагрузки, которыми он до сих пор не пренебрегал, держали его в относительной форме, но гурманом он был, выбирал лучшие рестораны и самые отборные марки предложенных напитков.

Обедая в одиночестве, он старался не привлекать к себе внимания, хотя это было почти невозможно. При его баскетбольном росте в метр восемьдесят семь и весе за девяносто килограммов, при его широком развороте плеч и несколько насмешливом взгляде он не мог не обращать на себя внимание всех входивших в зал ресторана мужчин и женщин. Особенно женщин, которые сразу замечали и элегантный покрой его сшитых костюмов, и подобранные в тон светло-голубым рубашкам модные галстуки, и даже его обувь, которая всегда выглядывала из-за стола. И немудрено, при размере ноги в сорок шесть с половиной трудно было не обратить внимание на такую ступню.

Он привычно закрывался газетой, стараясь не смотреть в сторону входивших. Но это было практически невозможно. С одной стороны, ему просто было интересно анализировать, пытаясь вычислить, кто и с кем приходит в этот ресторан, а с другой — он просто не мог нормально обедать, держа в одной руке газету.

— Простите, — услышал он незнакомый голос, когда снова наклонился к тарелке, — я не совсем представляю, как к вам обращаться?

Он поднял голову. Перед ним стоял незнакомый мужчина лет шестидесяти, опиравшийся на палку. Короткая седая борода, умный и доб-

рожелательный взгляд, открытое приветливое лицо, большой лоб.

— Можно просто Дронго. Меня обычно так называют, — отозвался он, поднимаясь из кресла. Стоявший был явно старше его по возрасту.

— Извините еще раз, — сказал незнакомец, — что отрываю вас от еды. Разрешите представиться — Валерий Петрович Оленев.

— Мы, кажется, не знакомы.

— Нет, не знакомы. Но я много о вас слышал, господин Дронго, от нашего общего друга полковника Демидова. Он рекомендовал мне обратиться именно к вам.

— Разумеется. Садитесь, Валерий Петрович. Будете есть или пить?

— Нет, спасибо. Только воду. Я случайно узнал, что вы любите обедать именно в этом ресторане. Вас видели здесь в прошлом месяце.

Оба собеседника уселись за столик.

— Значит, вы провели настоящее детективное расследование, — улыбнулся Дронго, — я не так часто здесь обедаю.

— В таком случае мне повезло, — улыбнулся в свою очередь Валерий Петрович. — Может, потому, что мне очень нужно было вас увидеть и с вами переговорить. Мне сказали, что вас вообще трудно найти в Москве. В последнее время вы чаще бываете либо в Баку, либо в Риме.

— И это верно, — согласился Дронго. — Если вы скажете, что вы частный детектив, я не удивлюсь.

— А почему не сотрудник органов? — спросил Оленев.

— Ваша палка, — пояснил Дронго, — и возраст. Для моих поисков из органов наверняка послали бы другого сотрудника. И не стали бы тревожить вас.

— Согласен, — кивнул Валерий Петрович. — Но вы даже не можете себе представить, как вы нужны нам.

— Тогда давайте по порядку. Кому — вам и почему я нужен?

Официант разлил минеральную воду в бокалы. Оленев отпил немного и поставил бокал на столик.

— Вы продолжайте есть, а я буду говорить, — предложил он. — Если я не ошибся, то вы известный эксперт по расследованию самых запутанных преступлений.

— Я обычный аналитик, — возразил Дронго, — и не уверен, что такой известный.

— Мы наводили справки, — ответил Оленев, — и поэтому решили обратиться именно к вам. Да и полковник Демидов тоже считает, что вы лучший специалист в делах подобного рода. Дело в том, что я работаю в небольшом изда-

тельстве. Может, вы слышали. Издательство Международного литературного фонда. Наш офис находится на Поварской, а само издательство функционирует в Переделкине. В писательском поселке.

— Нет, ничего не слышал.

— Наше издательство было организовано несколько лет назад, — продолжал Валерий Петрович. — Тогда мы решили, что мутный поток детективов, фантастики, разных мелодраматических и иных псевдоисторических произведений просто захлестнул наши книжные магазины. И решили наладить выпуск достаточно серьезной и рентабельной литературы.

— Удалось? — иронично осведомился Дронго.

— Не совсем. В первое время мы пытались держаться за счет классики. Но и она распродавалась неважно, не принося больших прибылей. А мы — издательство, существующее на принципах самоокупаемости. Пришлось отказаться от своих первоначальных принципов и начать выпуск литературы, которая может приносить конкретную прибыль.

— Проклятый капитализм, — притворно вздохнул Дронго. — Но я еще не совсем понимаю, какое отношение имеет ваше издательство ко мне? И почему вы искали именно меня?

— Сейчас объясню. Издательство у нас не-

большое и дружное. Рукописи в основном при-
сылают по почте. Разумеется, у нас нет времени
их рецензировать и отвечать всем желающим.
Вы же понимаете, какое количество графоманов
сегодня существует в одной только Москве.

— Только не говорите, что мне придется ис-
кать для вас какого-то графомана. Это не мой
профиль, уважаемый Валерий Петрович.

— Нет, нет, ни в коем случае. Я бы не стал
беспокоить вас из-за подобных пустяков. Хотя
некоторых графоманов действительно следует
искать, находить и выносить судебные решения
о запрете их публикаций на всю оставшуюся
жизнь. Но я понимаю, что этим должен зани-
маться не такой эксперт, как вы.

— Спасибо. Тогда чем именно должен зани-
маться я?

— Поисками убийцы, — вздохнул Валерий
Петрович, — и именно поэтому мы решили об-
ратиться к вам за помощью.

— Уже теплее. Давайте подробности.

— Все началось примерно семь месяцев на-
зад. Неожиданно мы получили рукопись, на ко-
торой не было обратного адреса. Только номер
«почтового ящика», по которому можно послать
ответ. Рукопись была достаточно «сырая», как
мы говорим в подобных случаях. Очень много
ненужных лирических отступлений, много дет-

ских воспоминаний, псевдофилософских размышлений о смысле жизни, излишние подробности — одним словом, чувствовалось, что это первый опус автора, который решил таким образом вступить в литературу. Такие рукописи есть в любом издательстве. Обычные сочинения начинающих. Чувствовалось, что некий молодой человек решил выплеснуть свой жизненный опыт на страницы рукописи. Хотя, судя по характеру записей, он должен быть не совсем молодым. Лет тридцать или тридцать пять. Мы бы не обратили внимания на эту рукопись, если бы не некоторые интересные психологические подробности, которые заметил наш главный редактор. Некая убедительность в деталях, если хотите, некая жизненная правда в рассуждениях автора о возможных преступлениях. Он словно пытался убедить самого себя, что имеет право на любое преступление.

— Кто у вас главный редактор?

— Юрий Михайлович Светляков. Может, вы читали его повести или романы? Он достаточно известный писатель, много публикуется в «Литературной газете». Очень интересный прозаик.

— Я читал его книги, — кивнул Дронго, — но не думал, что он работает в вашем издательстве.

— Уже пять лет. Он все время хочет уйти на «вольные хлеба», но мы его отговариваем. Вы

же понимаете, в каком мы положении. Где еще можно найти главного редактора с таким литературным именем?

— Понятно. Хотя мне до сих пор не совсем ясно, как ваша работа связана с моей.

— Примерно через три месяца мы снова получили рукопись. Разумеется, на первую мы не ответили и не выслали никакой рецензии. Мы просто не в состоянии откликаться на все рукописи, у нас небольшой штат сотрудников. Вторая была примерно такого же содержания, как и первая. Снова масса глубокомысленных рассуждений о праве человека на преступление, снова ненужные отступления, какие-то непонятные картинки детства. Несчастливая любовь автора, которая завершилась трагедией, его девушка погибает. Ну, в общем, подобные сюжеты есть почти в каждой рукописи. Сюжеты о неразделенной любви, о смерти кого-то из партнеров, о страданиях героя. В мире нет ничего нового. Все сюжеты давно придуманы нашими классиками.

— Считается, что в мире есть только двенадцать оригинальных сюжетов, — вспомнил Дронго, — а все остальное — пересказ этих основных сюжетов.

— Я слышал об этой теории, — согласился Оленев, — мы примерно размышляли так же. И поэтому не ответили и на вторую рукопись.

Обычные попытки автора привлечь внимание издателя натужным и явно выдуманым сюжетом. Через два месяца мы получили третью рукопись. И снова не было указано обратного адреса. Но номер «почтового ящика», по которому следовало отвечать, был идентичным. Однако в этот раз нас смутил стиль письма. Как будто за два месяца автор успел получить университетское образование. Совсем другие обороты речи, другие слова, другие выражения. Хотя общий смысл письма и стиль оставались похожими. Те же рассуждения, но уже в гораздо более симпатичной обработке. Эту рукопись читали у нас несколько человек, в том числе и я. И все обратили внимание на эти качественные изменения. Мы даже решили, что на этот раз нужно будет ответить автору и попросить его несколько сократить свою рукопись. Мы иногда позволяем себе издавать сборники повестей начинающих авторов. И они расходятся неплохо. Хотя я подозреваю, что их раскупают в основном родственники и друзья этих авторов. Но как бы там ни было, они раскупаются. И мы решили, что эту рукопись можно будет условно принять и начать работать над ней. Мы поручили одному из наших сотрудников ответить автору.

- Светляков читал третью рукопись?
- Конечно. И не только он, но и директор

издательства Феодосий Эдмундович Столяров. Он тоже достаточно опытный человек, доктор филологических наук, много лет проработал в Институте мировой литературы. Именно он предложил ответить автору и после соответствующей доработки включить повесть в сборник начинающих авторов.

— Вы послали ответ?

— Да. И почти сразу получили новую рукопись. Похожую на предыдущую. В ней неизвестный автор рассказывал, как он выехал в какой-то поволжский город, где и совершил свое первое преступление. Убил совсем молодую девушку. Эта рукопись была стилистически продолжением третьей, но в ней была масса таких деталей, которые заставляли верить автору. Вы знаете, как это бывает у гениальных писателей, когда веришь буквально каждому слову. Но этот автор явно не был гением, он всего лишь достаточно скрупулезно и точно фиксировал детали происходившего преступления, как будто лично участвовал в убийстве или наблюдал за ним.

— Вы не верите в силу слова?

— В силу подобного слова не верю. Автор явно не Шекспир и не Достоевский. Он либо начинающий и достаточно талантливый любитель, либо... мне даже страшно подумать об ином варианте. Но как бы там ни было, четвертая руко-

пись привлекла наше внимание. Детали, подробности, характерные особенности — одним словом, все было прописано очень ярко и убедительно. Мы решили, что нужно вызвать автора в издательство, чтобы заключить с ним договор. И совершенно случайно как раз в это время наша сотрудница Марина Сундукова вернулась из отпуска, она ездила на несколько дней к своей заболевшей родственнице. Это ее тетя, которая решила оставить ей в наследство свой дом. Именно поэтому Сундукова оказалась в эти дни в Саратове. Абсолютно случайно. А когда она вернулась в Москву, мы передали ей рукопись для редакторской правки. Можете представить ее реакцию, когда она прочла об убийстве семнадцатилетней девушки. Мы даже хотели вызвать врача. Оказывается, в Саратове как раз в эти дни произошло убийство девушки. И когда Сундукова начала читать рукопись, ее просто потрясло от ужаса.

— Это могло быть обычным совпадением, — возразил Дронго, — можете себе представить, какое количество убийств совершается по всей России и в скольких городах может произойти подобный случай.

— Слишком странные совпадения. Во-первых, поволжский город, а во-вторых, убийца указал, что на жертве была желтая блузка. Именно

на эту деталь обратила внимание наша Марина. Мы сразу решили передать копию рукописи в милицию.

— Что они вам сказали?

— Примерно то же самое, что и вы сейчас. Они просто отмахнулись от нашего обращения. Какой-то не очень серьезный капитан милиции объяснил нам, что подобные рукописи не могут рассматриваться в качестве доказательства преступления...

— Полагаю, что он прав, — заметил Дронго. — А на желтую кофточку вы не обратили его внимание?

— Обратили, конечно. Но он оказался еще и любителем гороскопов. Объяснил нам, что сейчас как раз год Желтой Крысы, и поэтому многие одеваются в желтый цвет или имеют в своем гардеробе какую-то деталь одежды желтого цвета. Вот и все...

— И вы сразу решили обратиться ко мне, чтобы найти возможного автора? Мне кажется, вы могли бы просто написать своему автору и попросить его связаться с редакцией. Графоманы очень тщеславны, они искренне верят, что создали очередной шедевр, и могут пойти на подобное сотрудничество.

— Мы решили вообще не связываться с ним и не печатать его рукопись, — признался Оле-

нев. — Сейчас я полагаю, что это было не лучшее решение. Но вы должны нас понять. В редакции работают в основном интеллигентные, миролюбивые гуманитарии, которым в принципе не нужны все эти криминальные разборки и расследования с возможным маньяком. Мы просто отложили рукопись, после того как отправили копию в милицию. Кстати, капитан пообещал все-таки провести проверку.

Но примерно неделю назад мы получили новую рукопись. На этот раз речь шла об убийстве совсем юной девушки, подростка четырнадцати лет. И снова очень неприятные, просто ужасающие подробности. На этот раз мы решили все проверить. Наш главный редактор обратился через знакомых в Информационный центр МВД, чтобы узнать, не произошло ли похожее преступление за последние несколько недель. Ответ нас просто поразил. В стране произошло больше сорока подобных преступлений, и более ста девушек просто куда-то исчезли. Мы даже не могли себе представить масштабы подобной преступности.

— Есть официальные данные, сколько тысяч людей пропадает по всей России и сколько миллионов пропадает по всему миру, — ответил Дронго. — Это не только беда России, хотя здесь она достигает ужасающих масштабов, но и всех

цивилизованных стран. Люди бесследно исчезают повсюду: от продвинутой Америки до организованной Японии, от многонаселенного Китая до малочисленной Исландии. Некоторых сбивают машины, они попадают в аварии, теряют сознание, не могут вспомнить, что с ними произошло. Удары грабителей при неожиданных нападениях, внезапные потери памяти, болезни, похищения, особенно в случае с молодыми девушками, — в общем, все, что угодно. Старые люди, выйдя из дома, не могут найти дорогу обратно, забывают свой адрес, не могут вспомнить даже своего имени.

— Я все понимаю, — кивнул Валерий Петрович, — но, когда все цифры собираются вместе, становится страшно. Мы уже не решились обратиться в милицию. На этот раз у нас просто не было ничего. Абсолютно ничего, никаких доказательств. Но Светляков позвонил в милицию своему знакомому криминалисту и рассказал ему нашу ситуацию. Тот посоветовал для начала передать все рукописи в их научно-исследовательский институт. Во-первых, психологи могут исследовать текст и определить, кто это писал — нормальный человек или шизофреник, а во-вторых, на рукописи могли остаться отпечатки пальцев возможного маньяка.

— Он хороший криминалист, — заметил

Дронго, — очень разумное решение. Вы передали все документы этому криминалисту?

— Нет, — вздохнул Оленев, — я, собственно, поэтому к вам и пришел. Рукописи исчезли. Все пять рукописей. Мы их просто не смогли найти.

— Как это исчезли? Из вашего издательства?

— В этом какая-то непонятная тайна. Все присланные авторами материалы обычно хранились у нас в отделе рукописей. Все вместе. Но исчезли все пять рукописей именно этого автора. А мы абсолютно уверены, что никто чужой к нам не входил и не мог забрать эти документы.

— Почему вы так уверены?

— Издательство находится в служебном помещении в Переделкине, и мы подключили все наши комнаты к охране. Если бы кто-то чужой попытался залезть к нам, сработала бы сигнализация, и местные сотрудники вневедомственный охраны сразу бы появились в поселке. Через несколько минут. Но сигнализация не сработала, мы это точно проверили. И она была включена.

— Интересно, — пробормотал Дронго. — В Переделкине работают сотрудники Литературного фонда. Может, у них есть запасные ключи от ваших помещений?

— Даже если есть ключи, то и в этом случае сигнализация бы сработала, — резонно заявил

Оленев, — но никто из посторонних к нам не заходил. В милиции просто не понимают суть наших претензий. Но мы же не сумасшедшие. Все рукописи неизвестного автора были зарегистрированы и прочитаны несколькими нашими сотрудниками. У нас сохранилась копия. Это вторая копия, первую мы отправили в милицию, а себе сделали вторую. И она сохранилась, так как случайно осталась лежать в папке у меня на столе.

— Интересно, — пробормотал Дронго, — вряд ли у вас работал невидимка, который смог бы обмануть систему сигнализации. Значит, кто-то из ваших. Очень интересно. Кажется, ваш случай действительно уникальный. А вы уверены, что автором этих рукописей не является кто-то из ваших сотрудников?

— Теперь мы ни в чем не уверены, — пробормотал Оленев, — поэтому и решили найти вас, чтобы посоветоваться.

Глава 2

Дронго задумчиво отодвинул тарелку, к которой так и не притронулся. Попросил официанта все унести и принести им чай. Затем обратился к своему собеседнику:

— Сколько всего человек работает в вашем издательстве?

— В Переделкине тринадцать человек. А в типографии находятся наши корректоры и технические сотрудники. Но они не приезжают к нам в издательство, и у них нет ключей. Директором там Василий Чигринец.

— Тринадцать человек, включая ваше руководство?

— Да. Директор Феодосий Эдмундович Столяров, его заместитель по хозяйственной части Иван Иванович Передергин, главный редактор Юрий Михайлович Светляков. Четверо редакторов — Виктор Кустицын, Марина Сундукова, Владимир Веремеенко, Людмила Убаева. Главный бухгалтер — Михаил Воеводов. Два переводчика — Фуркат Низами, он переводит с арабского и фарси, и ваш покорный слуга. Я владею английским и немецким. Хотя мы считаемся не только переводчиками, но и консультантами. Есть еще один консультант, который владеет французским, — Евгений Сидорин. Он раньше работал на ответственных должностях в Министерстве культуры и в ЮНЕСКО. И еще руководитель нашего технического отдела — Георгий Сергеевич Кроликов. И секретарь директора Нина Константиновна, которая и отвечает за всю переписку. Вот, собственно, и все.

— А ваши уборщицы? У них есть ключи от ваших помещений?

— Нет. Это уборщицы административных зданий писательского поселка. Они появляются у нас, только когда мы уже на работе. Пока мы не откроем двери, они не могут к нам войти, это исключено.

— Тексты набирают у вас?

— Нет. В типографии. Мы только смотрим рукописи и правим их по мере необходимости.

— У кого есть ключи?

— Почти у всех. У нас ненормированный рабочий день, и поэтому ключи есть почти у каждого из сотрудников. Во всяком случае, у каждого из редакторов. Вы же понимаете, что мы не можем заставить людей выходить на работу точно в девять. Это практически невозможно. Многие уносят рукописи домой, читают их по ночам.

— Может, и в этот раз кто-то унес рукописи домой? Вы всех опросили?

— Разумеется, всех. Собрали все издательство. Никто их не забирал. И никто их не видел. Мы все понимаем, что кто-то говорит неправду, но как выяснить, кто именно? И самое жуткое, что кто-то из наших может быть связан с этим маньяком.

— Почему вы уверены, что он маньяк?

— Не знаю. Но такое количество деталей.

Я забыл рассказать вам еще об одном важном факте, который мы узнали потом. Марина позвонила своим знакомым и узнала, что у убитой была большая родинка на спине. Так вот, убийца в деталях описывает именно эту родинку. И мы уверены, что этот человек описывает погибшую в Саратове девушку.

— Вы не сообщили в милицию эти подробности?

— Нет. Больше мы туда не обращались. Но Светляков позвонил своему другу-криминалисту. И тот обещал все проверить. Но пока он нам не звонил, а рукописи, которые он так ждал, просто пропали.

— А если Светляков взял эти рукописи и передал их своему другу-криминалисту, не сказав вам ничего? Такой вариант вы исключаете?

— Абсолютно исключаем. Юрий Михайлович умный и ответственный человек. Он не стал бы их передавать, не сказав никому об этом. И самое главное — зачем? Чтобы испугать сотрудников нашего издательства, которые и без того напуганы этой непонятной и неприятной историей? Нет, нет, он не мог этого сделать.

— Может, кто-то его опередил и передал эти рукописи в милицию или в прокуратуру?

— Но тогда зачем скрывать? Какой в этом резон? Все знали, что мы передали копию руко-

писи в милицию и собирались переслать все документы знакомому криминалисту. Какой смысл забирать их тайком и передавать в милицию, не сказав никому из нас?

— Рукопись была напечатана на компьютере?

— Да, конечно. Сейчас очень мало людей пишут ручкой, многие предпочитают работать на компьютере. К тому же мы не принимаем рукописей, которые пишутся от руки. Мы не можем разбирать почерк каждого из авторов, это практически невозможно. Любой текст можно набрать на компьютере и распечатать на принтере. Или прислать нам текст по электронной почте.

— Ваш автор так и делал?

— Нет, ни разу. Он присылал все время рукописи. В больших плотных конвертах. С указанием нашего адреса, по почте. Все пять раз. Такие конверты обычно продаются на почте.

— Адрес был написан рукой?

— Нет. Тоже набран на компьютере, распечатан и приклеен к конверту.

— Вы хранили рукописи вместе с конвертами?

— Конечно. Это обычная практика. И они пропали все вместе.

Официант принес чайник и две чашки. Чай был китайский, с лепестками роз. Дронго разлил чай в обе чашки, протянул одну из них сво-

ему собеседнику. Тот, поблагодарив, подвинул к себе чашку.

— Что вы об этом думаете? — спросил Валерий Петрович.

— Сначала нужно проверить второе преступление и убедиться, что оно произошло на самом деле. В первом случае вполне возможно, что мы имеем дело с необычным совпадением. Желтая блузка и даже родинка еще ни о чем не говорят. Иногда бывают невероятные совпадения, хотя я обычно не верю в подобные случайности.

— И я не верю, — вздохнул Оленев.

— Значит, нужно убедиться, что второй случай убийства произошел на самом деле. И только тогда мы можем твердо знать, что убийца и автор этих опусов — одно и то же лицо. Только в этом случае.

— Как вы будете проверять?

— Это моя проблема. Вы можете показать мне копию четвертого письма, которая у вас осталась?

— Конечно. Теперь мы сделали сразу несколько копий. Боимся, чтобы и их не украли. Но держим в разных местах.

— Значит, у нас два вопроса. Пейте чай, Валерий Петрович, он здесь достаточно приятный. Первый — кто автор этих рукописей? И вто-

рой — кто их украл? А украсть их мог кто-то из ваших сотрудников. Отсюда можно сделать очень неприятный вывод. Возможно, кто-то из сотрудников вашего издательства имеет негласные контакты с этим маньяком. Кто мог знать о том, что вы собираетесь переслать рукописи в научно-исследовательский институт, к знакомому криминалисту, другу Светлякова?

— Все. Мы обсуждали это на общем собрании издательства. Как раз вечером. А утром они пропали. Нина Константиновна не смогла их найти. И сразу начала звонить Феодосию Эдмундовичу. Он приехал и тоже ничего не нашел. Потом приехали Светляков и Передергин. Вызвали всех редакторов, всех сотрудников издательства, даже Сидорину позвонили. Но ничего не смогли обнаружить. Сундукова чуть не плакала, она показывала, куда именно положила ночью все пять конвертов, которых теперь уже не было. А чай действительно вкусный.

— Я же вам говорил. Значит, у вас работают тринадцать человек. Двенадцать святых и один предатель. И вам нужно вычислить, кто из сотрудников может оказаться этим «Иудой».

— Да, — кивнул Оленев, — хотя я полагаю, что несколько человек мы можем исключить из этого списка...

— Например?

— Марина Сундукова. Это ведь она отправилась в Саратов и обнаружила ужасающие совпадения с рукописью.

— Наоборот. Я бы считал ее основной подозреваемой. Ведь убийце важно было дать о себе знать. И он мог сообщить о себе вот таким необычным способом. Почему убийство произошло именно там, куда поехала Сундукова? Может, совпадение, а может, и нет. Возможно, все было подстроено заранее, и она должна была обратить ваше внимание на такие подробности.

— Но это невероятно, — взмахнул руками Валерий Петрович, — я знаю ее много лет. Откуда у нее могут быть подобные связи? Нет, это невозможно.

— Во всяком случае, ее нельзя убирать из списка подозреваемых. Кого еще вы хотите убрать?

— Феодосия Эдмундовича. Ему почти семьдесят. Он известный ученый, уважаемый человек. В его возрасте подобные «фокусы» просто не нужны.

— А может, наоборот? Последний шанс продемонстрировать свою проницательность. Может, он решил сам разобраться со стилистикой письма этого автора. Он ведь столько лет работал в Институте мировой литературы. И является самым крупным специалистом по рукопи-

сям Шолохова. Я читал о нем статью в «Комсомольской правде».

— Верно. Но это совсем иное. Рукописи Шолохова и измышления этого маньяка. Совсем разные уровни.

— Но он может выдать свое заключение по стилистике рукописей. Определить, кто именно их писал и тип мышления автора.

— Возможно, я с вами соглашусь. Но зачем это делать тайком от нас?

— Вы же сами сказали, что ему уже под восемьдесят. В таком возрасте люди хотят использовать каждый предоставленный им шанс. Я же не утверждаю, что он убийца. Но он вполне мог забрать эти рукописи. Для этого его возраст — не помеха. Кто еще должен исчезнуть из списка подозреваемых?

— Юрий Михайлович Светляков. Это ведь он договорился с криминалистом о проверке рукописей.

— И опять это не доказательство. Он договаривался о проверке рукописей, прекрасно зная, что они никогда не попадут в институт, так как именно он собирался их изъять. Разве такой вариант кажется слишком надуманным?

— Это невозможно, — чуть не поперхнулся Оленев. — Юрий Михайлович — известный

прозаик, он член Комиссии по культуре при Президенте страны.

— Насколько я помню, в России в тюрьме сидел даже вице-президент и спикер парламента. Или вы считаете, что их должности ниже по рангу, чем общественная должность Светлякова? Могу только добавить, что в Азербайджане в тюрьме успели побывать два премьер-министра, я уже не говорю про Украину, Грузию или Казахстан. Большая должность никогда не являлась гарантией порядочности. Разве вы считаете иначе?

— Но не в случае с Юрием Михайловичем, — возразил Оленев.

— Судя по его книгам, он достаточно порядочный человек. Мы с ним несколько раз виделись на разных приемах, и мне импонируют его взгляды, мысли, статьи, книги. Но я уже давно привык вообще не доверять писателям, — признался Дронго.

— Почему? — удивился Валерий Петрович. — У вас фобия на писателей? Почему вы их не любите?

— Я не сказал, что не люблю. Я сказал, что не доверяю. Их книги часто не соответствуют внутреннему миру самих авторов. Один из самых блестящих стилистов, который так изумительно написал о любви, был Марсель Пруст.

Для меня он был просто образцом писателя. При этом я знал о его нетрадиционной сексуальной ориентации. Я человек достаточно широких взглядов, и среди моих знакомых есть люди любой ориентации, это их право и их личный выбор. Но когда я узнал, что он любил издеваться над мышами и крысами, наблюдая, как из их ран, которые он наносил им остро заточенным стилетом или крупными швейными иглами, вытекает кровь, я просто начал испытывать к нему отвращение. А позже узнал, что он показывал своим любовникам фотографию своей обнаженной матери. И он для меня как писатель перестал существовать. Я понимаю, что в вашем издательстве, возможно, нет любителей мучить мышей, но воспоминание о Прусте все еще меня угнетает.

— Вы образованный человек, — вставил Оленев, — но это как раз тот самый случай, когда «знание умножает скорбь».

— Согласен. Итак, трое. Кто еще?

— Я полагал, что меня можно исключить, — грустно заметил Валерий Петрович, — но после ваших слов я думаю, что вы не сделаете исключение и для меня. Очевидно, я тоже мог оказаться в числе подозреваемых лиц, укравших эти рукописи. А потом, чтобы скрыть этот позорный факт, я решил установить контакт именно с ва-

ми, чтобы гарантировать свое алиби. Так, кажется, говорят юристы.

— Вы можете писать детективные истории, — кивнул Дронго, — браво. Значит, исключать никого нельзя. Тринадцать человек в издательстве. Если сумеем вычислить возможного вора, то не исключено, что выйдем и на вашего автора.

— Да. Поэтому я к вам и обратился. Если бы вы могли нам помочь! Я знаю, что вы частный эксперт и не обязаны нам помогать. И понимаю, что вы будете тратить на нас свое время. Но нам важно установить, как пропали рукописи и кто их нам отправлял. Мы готовы заключить с вами соглашение и выплатить вам гонорар как нашему юристу.

Дронго загадочно улыбнулся и покачал головой.

— Нет, — сказал он, — я не уверен, что вы сможете выплатить мой обычный гонорар. Но дело достаточно интересное, и я готов вам помогать из чисто профессионального интереса. Разумеется, все остальные расходы я отнесу за ваш счет. Если таковые появятся.

— Мы заранее согласны, — кивнул Оленев, тяжело поднимаясь со своего места. — Когда вы сможете приехать к нам в Переделкино?

— Уже завтра утром. Часам к одиннадцати.

Может, вы присядете? У меня к вам еще несколько вопросов.

— Конечно. Я не хотел больше отнимать у вас время.

Оленев снова уселся на стул.

— Всех, кто работает в вашем издательстве, вы знаете давно?

— Всех. Некоторых я знаю по двадцать или тридцать лет. Некоторых меньше. Но достаточно давно, чтобы никого не подозревать. Психопатов среди наших нет, в этом я уверен.

— Я не говорю, что среди ваших сотрудников обязательно прячется маньяк. Вы подумайте и сразу мне не отвечайте. Разве не может быть и такого варианта, когда автор присланных рукописей — кто-то из родственников сотрудников вашего издательства? Возможно, сын, племянник, брат, муж, близкий родственник. В таком случае он решил послать рукопись в издательство, где у него есть знакомый. И попросил своего знакомого или знакомую забрать эти рукописи, когда ему сообщили о возможной проверке, о которой в вашем издательстве могли знать все.

— Об этом мы даже не думали, — нахмурился Оленев, — конечно, такой вариант больше похож на правду. Но я не знаю, что вам сказать. Придется изучать личные дела каждого. Я даже

не представляю, что мы скажем людям, когда будем изучать их связи или их семьи.

— Не обязательно говорить об этом всем сотрудникам, — возразил Дронго. — Я уже понял, что директор у вас достиг солидного возраста. Кто у вас еще находится в этом «нежном» возрасте?

— Старше шестидесяти? Ваш покорный слуга, Евгений Сидорин и Фуркат Низами. Два переводчика и консультант издательства. Собственно, так и должно быть. Остальные редакторы вместе с главным гораздо моложе.

— А Передергин?

— Ему сорок пять. Он молодой, энергичный, спортивный. Приехал из Якутска, работал там председателем леспромхоза. Очень деловой, инициативный. У нас было столько проблем до его появления. Он крепкий хозяйственник, хотя и невыдержанный человек. Столяров все время делает ему замечания, Передергин может грубо ответить, нахамить любому посетителю, даже нашим редакторам, часто вообще не считается с мнением остальных, даже с мнением директора издательства.

— Не очень лестная характеристика.

— Он у нас такой своевольный уездный князек. Но пока он работает неплохо, и мы его тер-

пим. Хотя, конечно, было бы гораздо лучше, если бы он чуть меньше проявлял свой характер.

— Насколько я сумел понять, вы полностью исключаете возможность проникновения к вам постороннего лица, похитившего эти документы.

— Полностью, — кивнул Оленев, — я же говорю, что наши комнаты стоят на охране. И никто не смог бы туда проникнуть незамеченным.

— А если у возможного пособника вашего автора был запасной ключ? Вы же сами сказали, что почти у каждого из ваших сотрудников есть свой ключ. Ничего не стоит сделать запасной ключ и войти в ваши комнаты.

— Не совсем так, — возразил Валерий Петрович, — от общего входа ключи есть только у руководства. А самое главное — рядом дежурит сторож, который охраняет соседнее административное здание. Если бы у нашего здания появились незваные гости, он наверняка бы их увидел. Наше здание примыкает к административному корпусу. Это даже не здание, а всего лишь коридор и семь комнат. В одной сидит директор, в другой его заместитель, в третьей главный редактор. В большой комнате сидят редактора, а в другой большой комнате — технический отдел и консультанты. Еще две небольшие комнаты используются как помещение для Нины Константиновны, где хранятся различные

документы, и кабинет главного бухгалтера Воеводова. Вот, собственно, и все.

— Рукописи хранились в отдельном помещении?

— Нет. В комнате редакторов. Там сделаны большие стеллажи на всю стену, куда они и складывали рукописи. Во всяком случае, свежие. Через год мы отправляем их на склад.

— Окна у вас зарешеченные?

— Конечно. И на окнах тоже есть охрана.

— А кассир? Почему у вас нет своего кассира?

— Мы не платим гонорары. Обычно зарплату выдает Нина Константиновна, а подписывают все документы Передергин и Воеводов. Если есть какие-то конкретные расчеты, то их проводим через бухгалтерию нашей типографии. Забыл сказать, что у нас есть два своих представителя в Астане и в Баку. Нурлан Уразалин и Парвиз Убайдуллаев. Но они обычно занимаются только высылкой нам рукописей.

— Может, кто-то из них автор подобных страшных историй?

— Мы им тоже звонили. Они ничего не знают. И потом, я тоже читал эти «исповеди». Первые две рукописи были довольно неряшливыми и небрежными. Затем стиль письма значительно поменялся. Во всяком случае, эти рукописи отправлял нам человек, для которого русский

язык является родным. И он достаточно образован и начитан, в этом я почти уверен.

— Тринадцать человек, — задумался Дронго, — мне понадобится личное дело каждого. Они у вас есть?

— Конечно, нет. У нас в издательстве даже нет своего отдела кадров. Мы небольшое издательство, но все сотрудники, во всяком случае, все работники издательства, включая Нину Константиновну, являются сотрудниками Международного литературного фонда. Мы можем обратиться к Огневу, чтобы он помог нам и разрешил просмотреть личные дела каждого из сотрудников. Я думаю, в этом не будет большой проблемы. Или сразу к Сергею Михалкову, который является председателем Международного совета писательских союзов, это правопреемник Союза писателей СССР. Можно просмотреть личные дела каждого и там. Они наверняка имеются.

— Хорошо, — согласился Дронго, — я вам помогу. Хотя никогда не работал в подобной среде и с такими людьми. Давайте сразу договоримся, что вы ничего не будете от меня скрывать. Ни хороших, ни плохих новостей. И пусть Юрий Михайлович познакомит меня со своим другом-криминалистом. Возможно, мы понравимся друг другу. А может, мы уже знаем друг друга.

И не забудьте показать мне завтра оставшуюся копию рукописи.

— Обязательно, — явно обрадовался Оленев, — я просто не знаю, как вас благодарить.

— Подарите мне новые книги вашего издательства, — предложил Дронго, — это будет самый лучший подарок для меня.

— Сделаем, — согласился Валерий Петрович, — с автографами всех наших писателей. Можете считать, что вы их уже получили. Вы даже не можете себе представить, какая у нас сейчас обстановка в издательстве. Женщины просто боятся выходить на работу.

— Представляю, — ответил Дронго. — Значит, будем искать сразу двоих. Возможного автора и его возможного знакомого в вашем издательстве. Интересная задача. Вы по-прежнему убеждены, что это не может быть одно и то же лицо? Вы так хорошо всех знаете?

Оленев испуганно взглянул на своего собеседника. Он даже открыл рот, чтобы снова возразить, но Дронго добродушно покачал головой.

— Ничего не нужно говорить. Я все понял по вашему выражению лица. Значит, завтра ждите меня в поселке. Я постараюсь не опаздывать.

Глава 3

Он не любил сидеть за рулем. Автомобильные пробки, особенно в Москве, его раздражали и отвлекали от собственных мыслей. Поэтому уже много лет он имел своих водителей во всех трех городах, в которых жил. Предупредив водителя, что за ним нужно заехать утром в десять, он перезвонил своему другу и напарнику — Эдгару Вейдеманису.

— У меня к тебе необычное дело, — попросил Дронго, — я хочу, чтобы ты проверил через информационный центр данные о происшедшем преступлении за последние полтора-два месяца. Погибла четырнадцатилетняя девушка. Никаких других подробностей я пока не знаю.

— Как погибла? Несчастный случай?

— Нет. Убийство. Очевидно, действует некий серийный маньяк, но ничего более конкретного сказать не могу. Мне нужны все данные. И проверь убийство в Саратове. Там убили тоже молодую девушку, но ей было восемнадцать. Возможно, на ней была желтая блузка.

— Постараюсь, — вздохнул Эдгар, — ты знаешь, как нашим друзьям в милиции не нравится, когда мы делаем подобные запросы. Они считают, что мы не должны заниматься делами подобного рода.

— А ты напомни, сколько раз мы им помогали, — посоветовал Дронго, — и скажи, что мы не просим предоставить нам оперативную информацию или разгласить какие-либо данные. Нам нужна только информация по уже случившимся преступлениям. Они дают подобную информацию любому журналисту в ответ на их запросы.

— Буду стараться, — согласился Вейдеманис. — Если бы ты сказал, где произошло первое убийство, было бы гораздо легче.

— Это не первое, а второе, — поправил Дронго, — первое было в Саратове. Хотя вполне вероятно, что тоже не первое. В любом случае проверь, может, кто-то объединил эти два дела в одно. Если сумеешь найти.

— Завтра я тебе перезвоню, — пообещал Эдгар.

Дронго положил трубку и отправился в кабинет, чтобы просмотреть газеты за последние два месяца. Возможно, о подобных преступлениях было напечатано и в центральных газетах. В таком случае через Интернет и его поисковые системы можно было попытаться найти упоминания об этих преступлениях. Упоминаний было много, разных и трагических. Но ни в одной газете не было упомянуто преступление в Саратове. Разочарованный, он закончил поиски во втором часу ночи.

На следующей день он поехал в Переделкино. Созданный еще во времена Сталина писательский поселок был довольно известным местом не только в России, но и далеко за ее пределами. Здесь жили практически все классики советской литературы, которые вполне комфортно существовали в рамках Союза писателей СССР. Выделенные дачи, огромные писательские квартиры в центре города, некоторым предлагали даже особняки, невероятные гонорары, не зависящие от числа проданных книг, гарантированные поездки за рубеж с хорошо оплаченными командировочными, льготы на получение машин, путевок в дома отдыха, билетов, размещение в гостиницах. Награды, ордена, высокие звания, выдвижение в депутаты различных Верховных советов — все это было в порядке вещей. Союз писателей был не просто суперминистерством, он был одним из самых привилегированных министерств бывшей страны. От писателей требовалось лишь придерживаться генеральной линии Союза на социалистический реализм и всемерно поддерживать существующий строй. Что они с удовольствием и делали. Некоторым разрешалась и критика в дозволенных пределах.

Дачи в Переделкине выделялись писателям в порядке очереди, но выдавали их в основном

бывшим функционерам и сотрудникам Союзов писателей. Деревянные дома нельзя было назвать особо комфортабельным жилищем, но после развала Союза все сразу изменилось. Цена на сотку в этом районе начала расти с головокружительной быстротой, и вскоре обладатели деревянных домиков стали владельцами участков, имеющих реальную стоимость в несколько сотен тысяч долларов, а иногда и миллионов. Разумеется, после этого в Литературном фонде начались склоки, интриги, аферы, которые вызывали все новые и новые скандалы среди писателей. Хотя, если говорить откровенно, писателей оставалось уже не так много. Борьбу вели уже родственники и знакомые писателей, чиновники и деятели, которые отвоевывали свои сотки у бывших хозяев этой земли.

Дронго приехал в Переделкино к одиннадцати часам и довольно быстро нашел издательство, рядом с которым стояли два автомобиля. Он вошел в здание, обратив внимание на железную входную дверь. Такую дверь практически невозможно было сломать или открыть. Он вошел в коридор. Слышались громкие голоса сотрудников. Пройдя по коридору, он остановился у таблички «Консультанты» и постучал в дверь.

— Войдите, — услышал он и вошел в кабинет.

За небольшими столиками сидели трое

мужчин. Сидевший у окна был относительно молод. Ему было лет сорок пять. Грузный, достаточно плотный, мордастый, с копной черных волос и темными усами. Он недовольно взглянул на вошедшего и громко спросил:

— Вам кого?

— Извините, — сказал Дронго, — я пришел к Оленеву. Его здесь нет?

— Он сейчас придет, — кивнул незнакомец, — проходите, садитесь. Вы, наверно, тот самый эксперт, о котором нам говорил Валерий Петрович. Я Кроликов Георгий Сергеевич, руководитель технического отдела издательства. А это наши консультанты. Фуркат Низами, — показал он на седого невысокого мужчину с характерным азиатским лицом, — и Евгений Юрьевич Сидорин, — показал он в сторону второго.

Тот был кряжистый мужчина среднего роста, с круглым лицом и в очках. Он приветливо кивнул, с любопытством разглядывая гостя.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал Кроликов, — а то у нас уже считают, что здесь водятся домовые или привидения. А я ни в какие привидения не верил и не поверю. Кто-то просто переложил эти рукописи в другое место, и мы их не можем найти. Обычный писательский бардак.

— Не стоит так говорить, — нахмурился Евгений Юрьевич, — никто эти рукописи не мог

переложить. Они пропали, и нужно говорить об этом прямо и открыто. Кто-то их намеренно забрал. Не нужно выдавать желаемое за действительное.

— Я говорю о том, что не стоило сразу поднимать панику, — возразил Кроликов, — сначала нужно разобраться.

— Правильно, — вставил Фуркат Низами. У него был мягкий и певучий голос с сильным акцентом. — Не нужно никого обвинять. Будем разбираться.

— Но рукописи пропали, — напомнил Сидорин, — а это уже конкретный факт, с которым ничего не сделаешь.

В комнату вошел Оленев. Он был со своей неизменной палкой и тяжело шагал, опираясь на нее.

— Доброе утро, — протянул он руку гостю, — вас уже ждут. У Феодосия Эдмундовича собрались все наши руководители. Пойдемте туда. А потом они соберут весь наш коллектив.

Дронго пожал ему руку и последовал за ним.

— У нас такое руководство, — услышал он недовольный голос Кроликова, — сначала сами разговаривают с экспертом, дают ему свои руководящие указания, а уже потом собирают всех остальных.

Оленев обернулся, улыбнулся.

— У него такой характер, — примиряюще сказал он.

Они прошли по коридору, вошли в приемную. Из нее можно было попасть в кабинеты директора и главного редактора, расположенные напротив друг друга. В приемной находилась пожилая женщина с доброжелательным и мягким выражением лица.

— Здравствуйте, — приветливо сказала она, — проходите. Они вас ждут.

В просторном кабинете директора издательства находилось еще трое мужчин. Директор издательства сидел за своим столом. Феодосий Эдмундович был известный ученый, много лет проработавший в Институте мировой литературы и даже некоторое время возглавлявший Союз писателей Москвы. Ему было уже под восемьдесят. У него была строгая, седая борода, кустистые брови, мощное телосложение. Он напоминал купцов первой гильдии, которые знали цену и своему опыту, и своей прожитой жизни, и нажитым капиталам. С правой стороны расположился главный редактор Юрий Михайлович Светляков. Это был молодой, достаточно известный прозаик, уже давно тяготившийся своими обязанностями в этом издательстве. Высокого роста, с короткой бородкой, немного курчавыми волосами, похожий на повзрослевшего

сатира, он насмешливо смотрел на входившего эксперта. Светляков, как умный и начитанный человек, был немного циником, поэтому он не придавал особого значения исчезнувшим рукописям, полагая, что они просто потеряны в издательстве. Но спорить со Столяровым ему не хотелось.

С левой стороны от директора сидел его заместитель. У него были резкие, словно вырубленные, черты лица, темные волосы, острый кадык, узкие лисьи глаза, характерные скулы, возможно, среди его предков были и азиаты. У него был скрипучий, неприятный голос, в отличие от Светлякова, у которого был мягкий тенор.

— Здравствуйте, — поднялся директор, протягивая руку, — спасибо, что нашли время к нам приехать. Валерий Петрович говорил, что мы можем обращаться к вам как к господину Дронго?

— Меня обычно так называют.

— Познакомьтесь. Иван Иванович Передергин и Юрий Михайлович Светляков.

Рукопожатие первого было сильным, волевым. У второго была расслабленная ладонь интеллектуала. Они расселись за столом для совещаний, куда прошел и Столяров.

— Очевидно, вы знаете, что у нас произошло, — начал Феодосий Эдмундович. — Сначала некий неизвестный автор присылал нам свои

опусы, а потом мы случайно выясняем, что он пишет почти документальную прозу, если можно так сказать. Мы обратились в милицию, но нас там явно не поддержали и не поняли. Затем Юрий Михайлович решил обратиться в институт судебной экспертизы, к своему знакомому. И когда мы приняли решение отправить эти рукописи на экспертизу, они пропали. Разумеется, это неприятно и вызывает некоторые вопросы, которые мы хотим разрешить с вашей помощью, уважаемый господин... Простите, как вы сказали?

— Дронго...

— Да, господин Дронго.

— Возможно, не пропали, — заметил Светляков, — но мы их нигде не можем найти.

— Их унес какой-то вор, — жестко вставил Передергин. — Нужно найти этого человека, чтобы он больше не мог воровать у нас рукописи. Передать дело в милицию, и пусть они найдут вора.

— Не нужно так категорично, Иван Иванович, — вмешался Столяров, — господин эксперт сам во всем разберется. Мы уже пытались достучаться до наших правоохранительных органов, но, к сожалению, они не всегда к нам прислушиваются.

— Пусть разбирается, — согласился Передергин, — но нам нужно предупредить всех, что